

Кадирова Энзе Ханафиевна

**ОТРАЖЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА**

В период Казанского ханства многие народы региона переживают процесс этнического становления, в частности, в данный период формируется этнос "казанские татары". Эти изменения, естественно, привели к новому этапу в развитии татарского общенародного и литературно-письменного языка. Анализ лингвистических источников исследуемого нами периода показывает, что элементы татарского народного языка все шире проникали в язык письменности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

прагматических типов значения (мелиоративного и пейоративного) даже в рамках одной словообразовательной модели. Но, как мы убедились, прагматическое значение этих производных обусловлено значением производящей основы и носит нерегулярный характер. Это позволяет сделать вывод об отсутствии в значении суффиксов *-ery*, *-ee*, *-eer* прагматических компонентов значения. Источником разнообразия оттенков когнитивного и прагматического значений производных служит когнитивный и прагматический потенциал производящей основы. Специфика значений производного слова определяется особенностями значения основы, ее способности к идиоматизации (метафоризации, метонимии), фразеологизации (приращение значений). Следует отметить важную роль субъективного фактора в восприятии говорящим того фрагмента картины мира, который отражен в языковом знаке.

Список литературы

1. **Беляева Т. М.** Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М.: Высшая школа, 1979. 184 с.
2. **Винокур Г. О.** Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
3. **Горло Е. А.** К вопросу о лексических прагматических маркерах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 75-78.
4. **Заботкина В. И.** К вопросу о динамической концептуальной семантике // Пелевинские чтения-2005: межвуз. сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 3-11.
5. **Кочетков В. П.** Производные на *-ee* в английском языке // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток: ДВГУ, 1983. С. 123-134.
6. **Мешков О. Д.** Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 245 с.
7. **Сидорова Т. А.** Взаимосвязь членности, производности и мотивированности внутренней формы слова // Филологические науки. 2006. № 1. С. 48-55.
8. **Marchand H.** The Categories and Types of Present-Day English Word-formation. A Synchronic-Diachronic Approach. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. 379 p.
9. **The Oxford English Dictionary.** Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1989.

ENGLISH DERIVATIVES WITH IRREGULAR NATURE OF REPRESENTING PRAGMATIC MEANING

Ishchenko Irina Gennad'evna, Ph. D. in Philology

Amur State University

irinagen@mail.ru

The article examines the factors stimulating the realization of pragmatic meaning of affix derivatives. For this purpose the author analyzes the word-formative models which are characterized by irregular nature of actualizing pragmatic meaning. The researcher concludes that the basic source of various meanings and pragmatic shades of meanings of the derivatives is a polysemy of motivating bases and differences in the interpretation of the fragments of the picture of the world by the participants of communication.

Key words and phrases: pragmatic component of meaning; cognitive component of meaning; idiomatic derivative; non-idiomatic derivative; word-formative model; motivating base; word-formative formant.

УДК 81

Филологические науки

В период Казанского ханства многие народы региона переживают процесс этнического становления, в частности, в данный период формируется этнос «казанские татары». Эти изменения, естественно, привели к новому этапу в развитии татарского общенародного и литературно-письменного языка. Анализ лингвистических источников исследуемого нами периода показывает, что элементы татарского народного языка все шире проникали в язык письменности.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; Казанское ханство; письменные памятники; история татарского языка; глагол; народно-разговорные формы.

Кадирова Энзе Ханафиевна, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

enge@inbox.ru

ОТРАЖЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА ©

Письменно-литературный язык периода Казанского ханства, в котором еще сохранились многие особенности общего письменного тюркского языка, постепенно вбирает в себя элементы общенародно-разговорного

языка. В язык письменных памятников проникают местные диалектные черты лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса. Различные изменения произошли в течение указанного периода времени и в системе глагола.

Цель настоящей статьи – опираясь на имеющиеся исследования, определить функционирование глагольных форм в памятниках XV–XVI веков.

Прошедшее время глагола отличается от других времен многообразием форм. Прошедшее категорическое время на *-dy/-de*, *-ty/-te* является самым употребительным в языке источников данного периода. Эта форма – общетюркская и «выражает целостное, очевидное, однократное действие в прошлом» [8, с. 106]. В написании рассматриваемой формы наблюдается разнобой, т.е. после основы с глухим согласным в некоторых случаях появляется звонкая пара. Например, в более позднем списке поэмы «Нур-и содур» («Свет сердцу») после глухого звука в десятке случаев наблюдается глухое начало аффикса, если в списке В *qajt + dy*, то в списке Г *qajt+ty* ‘вернулся’; *tutdy – tutty* (в двух местах) ‘поймал’; *jatdy – jatty* ‘лег’; *işetde – işette* ‘услышал’, *işetdelär – işettelär* ‘услышали’; *eş itdelär – eş ittelär* ‘сделали’. В памятниках в правописании окончаний 1 и 2 л. ед. и мн. ч. данной формы отмечено вариативное написание: *jör-* ‘идти, ходить’ *jör+dem* (2); *jökür-* ‘бегать’ *jökür+düy* (1); *kür-* ‘видеть, смотреть’ *kür+dem* (5); *+dük* (1); *+düy* (2); *+dünöz* (1); *tot-* ‘держат, хватать, зажимать’ *tot + + duy* (1); *+dy* (4); *+ty* (6); *+tunöz* (1) [4].

Прошедшее простое на *-muş* в исследуемых памятниках не имеет большого применения, оно представлено главным образом в форме 3-го лица. Имеется лишь единственный пример у Мухаммедьяра, в котором оно употреблено в форме 2-го лица единственного числа. В тексте Мухаммедьяра прошедшее простое время на *-yb//eb* представлено только во 2-м и 3-м лице единственного числа, а у Кула Шарифа – и в 1-м лице множественного числа. Памятники периода Казанского ханства свидетельствуют об употреблении формы *-ğan/-gän*: *Nadanlyqđın üz başyna jtkänlär* [9, с. 60]. / Из-за невежества погубили сами себя (здесь и далее перевод автора – К. Э.).

В лингвистических источниках XV–XVI вв. формы настоящего и будущего времен глагола применяются не так активно, как формы прошедшего времени. В языке памятников представлена форма настоящего-будущего времени *-ur/-er*, *-ur/-ür*: *belürmän*, *belürsän*, *belür*, *belürsez* (*bel-* ‘знать’). В письменно-литературном языке на рубеже XV–XVI вв. происходит закрепление новых морфологических форм. Наряду с формантом настоящего-будущего времени *ur/-er*, *-ur/-ür* встречается аффикс *-al/-ä*. Однако он имеет в памятниках ограниченное применение: *Altun kömüş cyqa qandın* [11, с. 3]. / Откуда берется золото и серебро. *Täqsiren ütenämen sän bergä räxim äjläb bağyşlağyl män zäğifä* [9, с. 57]. / Прошу, проявив милосердие, его грехи посвятить мне. Зафиксированы случаи употребления формы *-adyr* с личными окончаниями всех трех лиц: *qyladyrmyn* ‘делаю’ [Там же, с. 54], *quladyrsän* ‘делаешь’ [Там же]; *Forjad qylub jüglajdyr* ‘очень громко плачет’ [11, с. 6].

В исследуемых текстах формы будущего времени довольно многочисленны, имеет широкое применение аффикс *-ğaj/-gäj*: *Bu utny izeb ecerğäjsen* [9, с. 57]. / Ты дашь попить настоей этой травы.

В памятниках XV–XVI вв. условное наклонение представлено общетюркской формой *-sa/-sä*: *Jaxşylyq qyl jaxşylyqta bar mäza*, *Kem jamanlyq qylsa ul tabğaj çäza* [Там же, с. 55]. / Ты делай добро, смысл – в доброте, Кто творит зло, тот наткнется на зло. Сложные аналитические формы условного наклонения *-yr irsä*, *-dy irsä* являются продолжением старописьменных традиций.

Неличные формы глагола в исследуемых текстах наиболее богаты по составу.

Имя действия в памятниках периода Казанского ханства представлено в огузской форме на *-maq/-mäk* (*Sabyr qylmaq irgä irür xuş hönär*, *Sabyr qylğan keşene täñri ügär* [7, с. 52]. / Быть терпеливым есть благородное качество мужчины, Терпеливого человека возлюбит бог). В поэмах Мухаммедьяра зафиксированы случаи употребления формы *-u*, *-ü* [5, с. 383], которая характерна для современного татарского литературного языка.

В памятниках периода Казанского ханства инфинитив представлен двумя формами. При передаче инфинитива произведения Мухаммедьяра демонстрируют устойчивость формы на *-mağa/-mägä*, довольно активно употребляется и форма *-yrğa/-ergä*. У Кула Шарифа второй вариант в единственном случае: *kürürgä* ‘видеть’ [11, с. 8]. Не отразились эти формы и в языке ярлык хана Ибрагима и хана Сахиб-Гирея [6].

В источниках XV–XVI вв. употребляются три формы причастия, обычно соотносимые с прошедшим временем: *-ğan*, *-muş*, *-dyq*. Действительное внутрисистемное соотношение причастных форм в них неодинаково. Они отличаются неодинаковой частотой употребления. Если в поэмах Мухаммедьяра, в ярлыках хана Ибрагима и хана Сахиб-Гирея, в произведении «Зафернаме-и Вилайти Казан» («Победа Казанского вилайета»), в произведениях Кула Шарифа в предикативной функции преобладала форма на *-muş*, то в причастном значении превалирует форма на *-ğan/-gän*: *Äjtä torğan süzeñez tyñlamajyn Ul bojurğan eşeñez anlamajyn* [7, с. 52]. / Не дослушав ваших слов, Не поняв ваших поручений. В ярлыках первый тип не встречается, используется исключительно причастная форма на *-ğan*. Во всех памятниках в случаях субстантивного использования форма на *-ğan* принимает показатели принадлежности, падежа и множественности. В источниках широко распространенным и полифункциональным является причастие на *-r/-yr*. Оно употребляется в атрибутивной, предикативной, субстантивной функциях и обладает способностью принимать аффиксы принадлежности и падежные аффиксы, также часто сочетается с послелогом. Отметим своеобразный грамматический оборот с соединением причастия данной формы с послеложным словом. В памятнике «Зафернаме-и Вилайти Казан» аффикс причастия будущего времени на *-mas* и послеложное слово *borun* ‘до того’, ‘прежде чем’ выражают время совершения процесса, определённого господствующим глаголом: *Äj Şaräfi, mustäğidd bulmaq käräk ülmäs borun* [4, с. 61]. / Эй, Шерифи, к смертному часу надо вести подготовку. По Л. Будагову, данная

форма свойственна казанскому и киргизскому языкам [2, т. I, с. 278]. В других рассмотренных нами источниках периода Казанского ханства она не встречается. В ранних памятниках, в произведениях периода Золотой Орды употребляется в этом значении -масдин борун [1, с. 111; 10, т. I, с. 279].

Деепричастие в памятниках Казанского ханства представлено формами *-yb/-eb*, *-ubän/-übän*, *-a/-ä*, *-u/-ju*, *-ğac/-gäc*, *-ğaly/-gäle*, *-ğanca/-gäncä*, *-maj/-maiyn*. Деепричастие на *-yb/-eb* имеет широкое применение: *Con suqardy itüken ewgä baryb Saldy ğaqräbne itükdin suqaryb* [7, с. 53]. / Везир, придя домой, выложил скорпиона из сапог. Первоначально встречающиеся формы *-ğac/-gäc*, *-ğanca/-gäncä* стали устойчивой нормой в современном татарском литературном языке. В поэмах Мухаммедьяра отмечен единственный случай употребления деепричастия на *-ğac*: *Taḥ jaruğac irgä birde satmağa* [9, с. 63]. / Когда рассвело, отдала мужу, чтобы продать. Для передачи значения данной формы употребляется аналитическая форма условного наклонения *-dy irsä*: *Bäk bu süzne išetde irsä üze* [Там же, с. 66]. / После того, как бек услышал это слово.

В памятниках периода Казанского ханства часто встречаются сложные глаголы, которые передаются с помощью особой модальной конструкции 'существительное (или прилагательное) + вспомогательный глагол *bul-*': *xasil bul-* 'появляться' [Там же, с. 47], *azad bul-* 'избавляться' [Там же, с. 60], *xajran bul-* 'изумляться' [Там же, с. 47], *fida bul-* 'жертвовать собой' [Там же, с. 52], *alcaq bul-* 'быть приветливым' [7, с. 45]. Наряду с *bul-* в этих условиях употребляется и форма *ul-*. Важно подчеркнуть, что огузский вариант вспомогательного *ul-* не очень характерен для памятников данного периода. Обращаясь к функционированию этого варианта, можно заметить, что в поэмах Мухаммедьяра *ul-* встречается только шесть раз, и то при сочетании с основами-заимствованиями, только в одном примере – с тюркским словом *iksük* 'уменьшаться'.

Таким образом, большинство данных изменений в морфологическом строе свидетельствует о проникновении в письменно-литературный язык XV-XVI вв. народно-разговорных форм. Они свидетельствуют о непрерывном развитии глагольной системы.

Список литературы

1. Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII-XIII вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 367 с.
2. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Т. I. 810 с.; Т. II. 415 с.
3. Зафер наме-и Вилайет-и Казан: рукопись // Фонд библиотеки Зейтиногуллары ильчи Таушанлы. № 2348. С. 60-64.
4. Кадилова Э. Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань: Фикер, 2001. 232 с.
5. Кадырова Э. Х., Бурганова Н. Б. О структуре поэм Мухаммедьяра // История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 371-407.
6. Мустакимов И. А. Еще раз о Казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства: сборник статей. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. С. 31-47.
7. Нур-и содур: рукопись поэмы // Рукописная коллекция Института Восточных Рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН). Фонд тюркских рукописей. В4417. С. 39-68.
8. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. Т. 1. 584 с.
9. Тухфа-и мардан: рукопись поэмы // Рукописная коллекция ИВР РАН. Фонд тюркских рукописей. В50. С. 43-67.
10. Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Ташкент: Фан, 1966. Т. I. 648 с.; 1971. Т. II. 775 с.
11. بۇرغان ئاقتىلى (Бк). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1894. 80 с.

REFLECTION OF MORPHOLOGICAL PROCESSES IN THE LANGUAGE OF THE WRITTEN RECORDS OF THE KHANATE OF KAZAN

Kadirova Enze Khanafievna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
enge@inbox.ru

During the period of the Khanate of Kazan many peoples of the region went through the process of ethnic formation, in particular in this period the ethnos "Kazan Tatars" was formed. These changes, naturally, led to a new stage in the development of the Tatar national and literary written language. The analysis of linguistic sources of the studied period shows that the elements of the Tatar national language penetrated widely into the written language.

Key words and phrases: the Tatar language; the Khanate of Kazan; written records; history of the Tatar language; verb; national informal forms.